

Трагедия 22 июня: почему это произошло?

Николай Червов,
генерал-полковник в отставке,
Дмитрий Толоконников

Нападение на Советский Союз гитлеровская Германия совершила коварно, вероломно, разорвав как бумажку, советско-германский договор о ненападении, поправ многочисленные заверения Гитлера о верности взятым обязательствам.

Невольно возникают вопросы: почему, зная о вероломстве и авантюризме фашизма, о неизбежности его нападения на СССР, мы оказались недостаточно подготовленными к отражению ударов противника?

Почему первые удары немцев оказались для нас ошеломляющими, роковыми?

Почему мы понесли в первые дни и недели войны тяжелейшие, трудновосполнимые потери?

Почему мы часто говорим о внезапности нападения, если заранее знали о начале войны?

Все эти “почему” будоражат нас и сегодня, спустя почти 66 лет с 22 июня 1941 г.

При этом многие отечественные и зарубежные историки и политики на первое место в качестве главной причины ставят внезапность нападения гитлеровцев. “Это Сталин виноват”, – твердят нам со времен Хрущева. “Это он не поверил донесениям разведки, прежде всего Зорге, он ошибся со сроком начала войны”.

К сожалению, многие верят этому мифу о внезапности нападения, не вникая в глубинные причины трагедии 22 июня и начального периода войны. Верят пустословной трескотне тех авторов, которые не считают возможным привести для доказательства своих заявлений конкретные факты и документы.

В этой связи позвольте нам высказать свою точку зрения на этот счет, опираясь на факты, документы и конкретные источники.

Всем известно, что 5 мая 1941 г. Сталин, выступая в Кремле на приеме выпускников военных академий, сказал, что война с Германией нач-

нется “вскоре”, что война неизбежна, и “если Молотов и его аппарат наркомата иностранных дел сумеет оттянуть начало войны на два-три месяца – это наше счастье”.

В конце мая 1941 г. на расширенном заседании Политбюро ЦК ВКП(б), то есть меньше чем за месяц

до войны, Сталин предупреждал: “Обстановка обостряется с каждым днем. Очень похоже, что мы можем подвергнуться внезапному нападению со стороны фашистской Германии. От таких авантюристов, как гитлеровская клика, все можно ожидать, тем более нам известно, что нападение фашистской Германии на Советский Союз готовится при прямой поддержке монополистов США и Англии”.

Одновременно Сталин требовал: “Военные руководители всех рангов должны повысить бдительность, усилить боеготовность Красной Армии... держать порох сухим, не ублюживать себя мирным равнодушием, а готовиться к войне с сильным противником (германской армией)”.

Сказано конкретно и ясно. Всякие другие рассуждения (будет – не будет нападение) теряют смысл, теряют реальность. Оба заявления Сталина о войне с Германией в самое ближайшее время основывались на многочисленных данных советской разведки и других источников. В связи с приближением войны в Центре и на местах были приняты необходимые меры на случай внезапного нападения (они известны по мемуарам Жукова, Василевского и др.).

Нам кажется, что тут уместно привести высказывание генерала П. Судоплатова: “Обвиняя Сталина и Молотова в просчетах и грубых ошибках, допущенных перед началом войны, их критики довольно примитивно трактуют мотивы принятых решений по докладам разведорганов, указывают лишь на ограниченность диктаторского мышления, самоуверенность, догматизм, мнимые симпатии к Гитлеру или страх перед ним.

Таким образом, отвлекается внимание от исторической подоплеки событий.

Почему я говорю об этом? Дело в том, что реализация разведывательной инфор-

мации определяется, как правило, неизвестными для разведчиков мотивами действий высшего руководства страны.

Целью Сталина было любой ценой избежать войны летом 1941 года. Он лучше всех знал, что Красная Армия не готова к ней и рассчитывать на успех, вопреки бодрым заверениям руководства Наркомата обороны и Генерального штаба, не может.

Представляется, что ключ к разгадке недооценки времени начала войны подсказал нам сам Сталин. В августе 1942 г. Черчилль, будучи в Москве, напомнил Сталину о важном значении своего предупреждения лично им и через посла Криппса о надвигающейся большой войне Германии против России. На что Сталин ответил: “**Мне не нужно было никаких предупреждений. Я знал, что война начнется, но я думал, что мне удастся выиграть еще месяцев шесть или около этого**”!

Как обстояли дела в приграничных военных округах с точки зрения их боевой готовности к отражению внезапного нападения?

18 июня 1941 г. западным военным округам Генеральный штаб дал указания о приведении войск в боевую готовность. Подтверждением этого являются факты и документы.

В частности, “Приказ Командующего Прибалтийским Особым военным округом № 00229 от 18 июня 1941 г. управлению и войскам о проведении мероприятий с целью быстрейшего приведения в боевую готовность театра военных действий округа. Совершенно секретно, особой важности”. Подписали: командующий генерал-полковник Кузнецов, член Военного совета корпусной комиссар Диброва, начальник штаба генерал-лейтенант Кленов.

Согласно этому приказу, все войска округа приводились в боевую готовность и к 21 июня занимали свои исходные районы (районы сосредоточения).

Например, командир 28-й танковой дивизии полковник И.Д.Черняховский в полдень 18 июня получил доставленный нарочным пакет "особой важности", а в 23.00 его дивизия выступила с зимних квартир (г. Рига). К утру 20 июня 28 тд сосредоточилась в указанном районе – в 130 км от госграницы с Восточной Пруссией.

Совершив за два ночных перехода марш в 420 км. Утром 23 июня дивизия Черняховского нанесла удар по вклинившемуся противнику в направлении Таураге.

Организованно вступили в бой войска Киевского Особого военного округа.

И.Х.Баграмян писал: "15 июня мы получили приказ (из Москвы) начать с 17 июня выдвижение всех пяти стрелковых корпусов второго эшелона к границе. У нас все было подготовлено к этому. Теперь оставалось лишь дать команду исполнителям. Мы не замедлили это сделать"².

Нарком Военно-Морского Флота Н.Г.Кузнецов пишет: "Все флоты с 19 июня находились в готовности № 2, а 21 июня в 23 часа 35 минут им был отдан устный приказ – немедленно перейти на готовность № 1 и в случае нападения применять оружие"³.

Неудовлетворительно и бесконтрольно действовал лишь командующий и штаб ЗапОВО. Были допущены грубейшие, преступно-халатные нарушения при подготовке войск к внезапному отражению ударов противника.

Таким образом, документы и факты подтверждают непреложную истину о том, что указания о приведении войск и флотов в боевую готовность приграничные военные округа получили 18 июня 1941 г. Все они (кроме ЗапОВО) выполнили необходимые меры по приведению войск и сил флотов в боевую готовность. Так что ни политической, ни военно-стратегической внезапности не было.

Тактическая внезапность для войск ЗапОВО – да, была.

Поэтому пресловутую "внезапность" нельзя считать в числе основных причин наших неудач.

Вообще надо сказать, что трактовка внезапности, как ее трактуют сейчас, неполна и неправильна.

Правильное понимание ее изложил маршал Г.К.Жуков: "Что значит внезапность, когда мы говорим о действиях такого масштаба?

Это ведь не просто внезапный переход границы, не просто внезапное нападение. Внезапность перехода границы сама по себе еще ничего не решала.

Главная опасность внезапности заключалась не в том, что немцы внезапно перешли границу, а в том, что для нас оказалось внезапностью их шестикратное и восьмикратное превосходство в силах на решающих направлениях; для нас оказались внезапностью и масштабы сосредоточения их войск, и сила их удара.

Это и есть то главное, что предопределило наши потери первого эшелона войны. А не только и не просто переход границы"⁴.

Вопрос о так называемой "внезапности" Г.К.Жуков рассматривает также в своих мемуарах.

В частности, он пишет: "Внезапный переход в наступление в таких масштабах, притом сразу всеми имеющимися и заранее развернутыми на важнейших стратегических направлениях силами, то есть характер самого удара, во всем объеме нами не был предусмотрен. Ни нарком, ни я, ни мои предшественники Б.М.Шапошников, К.А.Мерецков и руководящий состав Генерального штаба не рассчитывали, что противник сосредоточит такую массу бронетанковых и моторизованных войск и бросит их в первый же день мощными компактными группировками на всех стратегических направлениях с целью нанесения сокрушаительных рассекающих ударов"⁵.

Многие критики такой оценки сути внезапности нападения Германии не учитывают и рассуждают о ней в общем плане. Например, в телепрограмме “Постскриптум” 18 ноября 2006 г. при обсуждении вопроса “Сталин и Зорге” экспертами выступали В.Фалин и Р.Медведев.

Их суждения о “внезапности” были бездоказательными, примитивными, по известной схеме: “Это Он не” поверил донесениям Зорге и ошибся в определении сроков нападения. По его вине была внезапность и наше поражение в начале войны. Он растерялся и почти неделю никого не принимал, укрывшись на даче. Когда к нему прибыли члены Политбюро, он испугался, что его хотят арестовать”.

Подобные заявления никакой информации не несут, кроме дополнительного мусора в летопись истории Великой Отечественной войны.

Маршал Жуков на этот счет пишет следующее: “...Сталин был растерян – неделю никого не принимал. Шла работа по перестройке всего, потому не принимал. А насчет того, что он не выступал, так Молотов был председателем Совнаркома. А Сталин вообще часто не выступал.

Надо было немного времени, чтобы посмотреть, как пойдут события. Потому он первый раз выступил третьего июля. А растерян он был два часа...”.

Кроме того, имеются свидетельства, что 22 июня застало Сталина больным острой формой ангины. В то же время, согласно опубликованной тетради записи лиц, принятых Сталиным, 21 у него побывало 11, а 22–15 лиц (кое-кто из них 2–3 раза). Так было и в последующие дни.

Неужели так называемые “эксперты” с этим документом и высказываниями маршала Г.К.Жукова незнакомы? А ведь они полностью опро-

вергают все их рассуждения о пресловутой “внезапности” и другим вымыслам.

Что касается причин трагедии 22 июня и поражения Красной Армии в начале войны, то их было много:

– несвоевременность приведения в полную боевую готовность войск всех приграничных военных округов;

– запоздалое стратегическое развертывание основных сил Красной Армии;

– недооценка сил противника и переоценка своих возможностей и др.

Об этих просчетах и ошибках достаточно подробно сказано в мемуарах военачальников и в исторической литературе. Но являются ли они (эти просчеты) решающими в трагическом исходе начала войны? Нет, не являются, они не выдержали испытание временем.

Факты показывают, что главная причина катастрофы Красной Армии в первых сражениях кроется в игнорировании Наркоматом обороны и Генеральным Штабом начального периода войны, его существа, условий и способов развязывания войны и ее ведения в первые часы и дни.

Мы готовили Красную Армию, и она вступила в войну по устаревшему “сценарию” первой мировой войны. То есть планировали и готовились к тому, что сначала будут военные действия войск прикрытия (в течение одной-двух недель); затем – отмобилизование и полное развертывание главных сил сторон и вступление их в сражения. Фактически, фашистская Германия в отношении сроков сосредоточения и развертывания войск ставилась в одинаковое положение с нами.

На самом деле и силы, и условия были далеко не равными. Только в результате слепоты и беспечности Наркомат обороны и Генштаб не сумели понять того, что на Западе шла другая война – гитлеровцы начинали ее в первые же часы массированными ударами всех своих сил (на земле, в воздухе и на воде); сокрушающая мощь таких ударов потрясала всю систему обороны противника, дезорганизовывала его государственное и военное управление.

Так велась война против Франции, которая капитулировала через 44 дня, и против панской Польши, которая рухнула за три недели.

Как реагировало советское военное руководство на эти факты?

Оно не сумело правильно осмыслить опыт войны в Европе. Нарком обороны С.К. Тимошенко на совещании высшего командного и политического состава (23–31 декабря 1940 г.), оценивая стратегию вермахта, сказал: “В смысле стратегического творчества опыт войны в Европе, пожалуй, не дает ничего нового”. Заявление Тимошенко вместе с его заключительной речью было доведено до войск для руководства специальной директивой Генштаба⁶.

Таким образом, Наркомат обороны, Генштаб и высшее военное руководство готовились воевать по схеме первой мировой войны, ошибочно считая, что война начнется с приграничных сражений, а только через одну-две недели, вступят в сражения главные силы сторон. Но война началась, как известно, по современному “сценарию”.

Беда устаревшего мышления нашего военного руководства состояла в том, что устаревший “сценарий” начала войны был заложен в опера-

тивные документы, в мышление всех командиров и штабов, и было реализовано практически в построении боевых порядков войск приграничных военных округов.

Именно в силу этой первопричины поражение Красной Армии в начале войны было неизбежным, более того, запрограммированным вплоть до “черного октября” 1941 г.

Почему сделан такой жесткий вывод?

Потому, что созданная по ошибочной схеме начала войны группировка войск приграничных военных округов не отвечала ни наступательным, ни оборонительным требованиям, не соответствовала складывающейся обстановке. Советские дивизии были рассредоточены на значительных пространствах в три эшелона: первый – дивизии непосредственно вдоль границы “узкой лентой” на фронте 40–50 км каждая; второй – в глубине 100–150 км; третий – в 500 км от госграницы.

По оценке Генштаба, такая исходная группировка наших войск якобы являлась “оптимальной”. Однако приведенное в таблице реальное соотношение сил сторон никак не оправдывает решение Генштаба относительно “оптимальности” построения войск наших военных округов⁷.

При указанном в таблице соотношении сил сторон печальный исход сражения был очевиден. Сегодня мы можем только сказать, глядя на таблицу, что нельзя не видеть скрытую в ней губительную угрозу нашим войскам западных военных округов.

Складывалась ситуация, при которой немецкие войска имели возможность наносить поражение нашим войскам по частям: сначала всеми силами обрушиться на немногочисленные соединения и части рас-

Таблица

Немецкие танковые группы (ТГР)	Состав первого эшелона ТГР немцев	Фронт наступления ТГР, км	Соединения советских войск против ТГР близи границы
4-я “Север”	1, 6, 8 тд (свыше 600 танков), 268 и 290 пд	40	125 стр. дивизия
3-я “Центр”	7, 12, 20 тд (свыше 600 танков)	30	128 сд, один полк 188 сд
2-я “Центр”	3, 4, 17, 18 тд (свыше 800 танков)	70	6, 42, 75 сд, 22 тд (небоеготовная)
1-я “Юг”	299, 111, 75, 57, 298, 44 пд, 2 тд (свыше 600 танков)	65	85, 124 сд

положенные вдоль границы; затем преодолеть сопротивление главных сил прикрытия приграничных округов и, прорвавшись в оперативную глубину, напасть на войска вторых эшелонов и резервов этих округов (фронтов).

В этом была роковая ошибка нашего Генштаба.

Крупный просчет в создании исходной группировки войск состоял и в несоблюдении одного из основных принципов военного искусства – решительного сосредоточения (массирования) сил и средств на избранных направлениях. Это обнаружилось сразу же в первых сражениях.

Например, войска Западного фронта в Белоруссии вынуждены были сражаться в каждый момент времени с превосходящими силами противника из-за стремления прикрыть войсками всю полосу обороны.

Вторые эшелоны (резервы), предназначенные для нанесения контрударов и для усиления, во многих случаях выдвигались по частям, с запозданием и использовались для затыкания “дыр”.

Раздробленность исходной группировки войск приграничных округов была обусловлена, конечно, не политикой, а военным искусством.

Результатом ее стала трагедия для наших войск: многочисленные “котлы” (Белостокский, Слонимский, Новогрудский и др.), фланговые удары, охваты, прорывы в глубину, огромные потери в живой силе и технике*. Реальная картина получилась такова, что главной причиной успеха гитлеровцев в первые часы и дни войны явилось вступление в сражение советских войск, как и польской армии, по устаревшему “сценарию” первой мировой войны.

* Так, потери Западного фронта в Белоруссии (22.06–9.07.1941 г.) составили: личного состава около 70% (417 729 чел.), танков – 3372, артиллерийских орудий – 1809.

Потери пяти советских, фронтов (Северный, Северо-Западный, Западный, Юго-Западный, Южный – 18-я армия) и Балтийского флота с 22 июня по 9 июля 1941 г. составили: 762 тыс. чел., танки (на 1 августа) – 90%, боевые самолеты – 41 %. Потери сухопутных войск германского вермахта (22.05–31.07) – около 214 тыс. чел., танки – 45%, ВВС – 35% (боевых самолетов – 1/3 всей группировки).

Маршал Г.К.Жуков в своих мемуарах пишет: "...мы с наркомом полагали, что Красная Армия сможет отразить вторжение противника в западные районы страны, а затем, измотав его ударные группировки, перейти в контрнаступление в соответствии с оперативным планом".

Только через неделю кровопролитных военных действий и с выходом противника к Днепру военное руководство Красной Армии "отрезвело" и в душе признало ошибочность всего "сценария" запланированного начального периода войны как одной из главных причин катастрофического поражения войск западных фронтов.

Нарушенная стратегическая устойчивость наших фронтов долгое время не позволяла ликвидировать опасные прорывы ударных группировок противника на важнейших направлениях.

В заключение отметим, что в настоящее время помнить и говорить о причинах нашей катастрофы в начале той войны следует только ради одного – не допустить подобной трагедии в будущем. Это – главный урок прошлой войны, который требует озабочиться безопасностью и боеготовностью армии и флота современной России.

К 10 июля, то есть через 18 дней войны, немцы прорвались на северо-западном направлении до 500 км, на западном – до 600 км, на юго-западном – до 350 км. Однако спланированной "на скорую руку" стратегической обороны "по всем правилам оперативного искусства" не было.

Планомерного отступления также не получилось.

Были тяжелейшие бои и сражения за удержание отдельных рубежей и разрозненный ввод в сражение выдвигавшихся к фронту резервов. Только к середине июля удалось противостоять противнику более или менее устойчивый почти сплошной фронт обороны. Сама обстановка заставила командование Красной Армии пересмотреть прежний план войны и перейти постепенно к заново спланированной стратегической обороне. К этому времени фактически закончился начальный период войны (с 22 июня до середины июля 1941 г.).

Примечания

¹ СССР в борьбе против фашистской Германии". 1976. С. 155.

² Баграмян И.Х. Так начиналась война. Воениздат. 1977. С. 76–77.

³ Кузнецов Н.Г. Курсом к победе. М. 2003. С. II.

⁴ Маршал Жуков. Каким мы его знаем. Изд. политической литературы, 1988. С. 104.

⁵ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Изд. АПН, 1974. Т. 1. С. 283.

⁶ Русский архив. М.:Терра, 1993. С. 339.

⁷ История Великой Отечественной войны. Т. I. С. 474.